

Древнерусский «лютый зверь» в византийской перспективе

слав. **lutь(jь)* ‘злой, жестокий; твердый; ломкий, хрупкий; быстрый; сильный; (о вкусе) едкий, острый, горький, жгучий, крепкий, кислый’ (этимологически – причастие) : и.-е. **leu-* ‘отрезать, отделять’ (ЭССЯ, 15, с. 231–236)

лит. сущ. *liūtas* ‘лев’ ← лит. прил. *liūtas* ‘хищный, жестокий’ ← др.-рус. прил. *лють/лютый*, ср. *лють левъ* ‘лютый лев’ (Smoczyński W., Słownik etymologiczny języka litewskiego, Wilno, 2007, s. 361)

лит. *levas* ‘лев’ ← слав. **lvъ* ‘то же’ ← герм. **liuaz* ← и.-е. **leuos* (лат. *leō*, греч. λέων) ← ближневост. (семит.?) (см.: ЭССЯ, 17, с. 105–107)

две проблемы:

- а) субстантивация лит. прил. *liūtas* ‘хищный, жестокий’ → лит. сущ. *liūtas* ‘лев’;
- б) в сочетании *лютый левъ* ‘лютый лев’ закрепление семантики существительного за согласующимся с ним прилагательным было бы естественным при эвфемизации (ср., *нечистая сила* → *нечистая*), но причина для нее отсутствует: на Руси не было львов (на Балканах и юге Европы они вымерли ок. 100 г.); тем не менее результат процесса налицо (см. ниже)

Новое предложение

- 1) др.-рус. сущ. **лють* ‘лев’ этимологически не связано со слав. прил. **lutь(jь)*, но ассоциировано с ним вторично, в результате закономерных фонетических изменений;
- 2) др.-рус. сущ. **лють* ‘лев’ (→ лит. сущ. *liūtas* ‘то же’) ← ранне-др.-рус. **l’otь* ← греч. λέων, род. λέοντος ‘то же’ в ср.-греч. форме *λίοντας*

ΚΡΙΑΡΑΣ Ε., Λεξικό της Μεσαιωνικής Ελληνικής Δημόδους Γραμματείας, 1100–1669. Τόμος Θ’, 1985, σελ. 145:

λέοντας, *λεόντας*, *λίοντας*, *λιόντας* ‘лев’ (последнее на письме впервые засвидетельствовано у Меркуриоса Буаса, 1478–1542) → ранне-др.-рус. **l’otь* ‘то же’ (утрата вост.-слав. носовых датируется IX в.)

Выводы

Эволюция древнерусского грецизма:

1. ранне-др.-рус. сущ. **l’otь* ‘лев’ (заимствовано не позже IX в.); до утраты вост.-слав. носовых существительное явно отличалось от прилагательного **lutь(jь)* корневым гласным; др.-рус. сущ. поддерживается с противоположных внешних сторон: ср.-греч. *λίοντας* ‘лев’ и лит. сущ. *liūtas* ‘то же’, являясь необходимым связующим звеном между ними, а также наличием более позднего др.-рус. субстантивированного прил. *лютый* ‘лев’ (см. ниже);
2. после утраты вост.-слав. носовых (в пер. пол. X в. их уже нет) сущ. **l’otь* ‘лев’ фонетически совпало с краткой (именной) формой прил. **lutь(jь)*: в результате возникло др.-рус. сложение существительных *лють зверь* ‘лев’ для разграничения с др.-рус. рефлексом слав. **lutь(jь)* ‘злой, жестокий’, ср.: Москва-река, рыба-пила // одновременно было возможно др.-рус. сочетание прилагательного с существительным *лютый зверь* (*лють зверь*) с размытой семантикой ‘хищный зверь: лев, барс, медведь; змей, гриф’;
3. из-за исключительной формальной близости и частично пересекающейся семантики оба сочетания были подвержены слиянию в более частой и семантически широкой форме: *лють зверь* ‘лев’ → *лютый зверь* (*лють зверь*) ‘хищный зверь’, результате чего др.-рус. сущ. **лють* ‘лев’ → др.-рус. прил. *лютый* ‘лев’ (Гіст. сл. бел. м., т. 17, с. 199: 3б. 262 (перв. треть XVI в., после 1517 г. ~ втор. пол. XV в.); Бяр., 70; СРЯ 11–17 вв., т. 8, с. 348: Пов. конч. ц. Мих., 7. 1647 г.), т.е. реинтерпретация существительного как субстантивированного прилагательного.

Лит. сущ. *liūtas* ‘лев’ заимствовано из др.-рус. на 1-м или 2-м этапе, но после падения вост.-слав. редуцированных.